

*Д. В. Шкрум**

**ИНСТИТУТ СУДА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГЕГЕЛЯ:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье на основе материала гегелевской философии права определяется ценностная составляющая института суда, которая складывается из двух моментов. Во-первых, из аксиологического значения суда как социально-правового института, который определяется Гегелем как выражение высшей нравственной идеи, идеи абсолютного добра. Во-вторых, из аксиологического значения деятельности суда, осуществляющего акт «суждения» о соответствии эмпирического поступка индивида высшей нравственной идее. Аргументация философа является актуальной для современной оценки значения института суда для гражданского общества, правового государства и личности.

Ключевые слова: Гегель, гражданское общество, нравственность, государство, суд, правовая ценность.

D. V. Shkrum

*THE INSTITUTE OF THE COURT IN HEGEL'S PHILOSOPHY OF LAW:
THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE THEORY OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY*

In the article, based on the material of Hegel's philosophy of law, the value component of the institution of the court is determined, which consists of two points. First, from the axiological meaning of the court as a social and legal institution, which is defined by Hegel as an expression of the highest moral idea, the idea of absolute good. Secondly, from the axiological significance of the activity of the court, carrying out the act of «judgment» on the correspondence of the empirical act of the individual to the highest moral idea. The philosopher's argumentation is relevant for a modern assessment of the importance of the institution of the court for civil society, the rule of law and the individual.

Keywords: Hegel, civil society, morality, state, court, legal value.

* Шкрум Дмитрий Васильевич, кандидат политических наук, доцент кафедры философии, Русская христианская гуманитарная академия; dschkrum@mail.ru

Ценностное измерение институтов гражданского общества, государства, права у Гегеля определяется его пониманием государства как выражения высшей нравственной идеи [10, с. 32–34], входящей во внутреннее содержание личности человека, его живой индивидуальности [3, с. 157–170; 11, с. 72–78; 4, с. 95–101]. Само понятие ценности не является этически нейтральным. Оно предполагает отношение к идее абсолютного добра как к объективному ориентиру практического действия. При этом понятие объективности, т. е. независимости объекта от воли субъекта, может определяться двояко: либо в определениях бытия, либо в определениях мышления.

В первом случае мы будем иметь объективную идею в духе философии Платона, трактуемую как высшая форма бытия, воплощающая в себе изначальную идею истины, добра и красоты [5, с. 166–174]. В таком случае идея блага должна рассматриваться в качестве порождающей модели институциональных форм особенного бытия, что соответствует принципам монистической философии права [6, с. 197–208]. Абсолютное добро здесь может трактоваться нами в качестве того, что составляет сущность бытия институтов организации гражданского общества и государства [10, с. 37–39]. С той оговоркой, конечно, что мы помним о зафиксированном еще древним философом различии между бытием идеи и бытием причастной этой идеи вещи (вещи в самом широком смысле слова, а значит и процесса, и организации, и социального института и т. п.).

Здесь сами эти институты, наше участие в их функционировании, наша вписанность в их деятельность будут иметь ценностное измерение. Именно это имел в виду Платон, когда утверждал, что справедливым человек может быть только в справедливом государстве. Если справедливость как воплощение в деятельности человека высшего блага имеет значение ценности, то с тем же правом значение ценности имеют и государство, и организованное общество, и их институты, фиксирующие организованность общества и государства по модели абсолютного добра.

Во втором случае мы должны будем трактовать идею блага так, как это делал Кант. А именно: в качестве принципа разума, идеала, который он устанавливает, чтобы дать нравственный ориентир практическому субъекту. Заметим, что в этом случае Кант также говорил об объективности как категорий рассудка, так и идей разума в том смысле, что они не являются продуктом нашей воли. Но это — объективность форм деятельности субъекта, которые он находит в себе. Ценностный аспект — это не качество самого предмета, а форма нашего отношения к нему, фиксируемая в определяющем, либо рефлексующем суждении. Так понимал ценность и отнесение предмета к ценности Кант. Так понимали их в начале XX столетия и неокантианцы, с творчеством которых аксиологическая проблематика начинает занимать одно из центральных мест в философии права [7, с. 50–53].

Институт суда как он представлен в интерпретации Гегеля является своего рода формой синтеза двух моментов ценностного измерения государства и общества: платонического и кантианского. В качестве социально-правового института суд является воплощением объективной идеи абсолютного добра, высшей нравственной идеи как порождающей модели государства. В качестве

формы социальной деятельности он является именно деятельностью суждения, в котором высказывается отношение общества к высшей нравственной идее.

Частным случаем такого «суждения» о соответствии или несоответствии рассматриваемого в суде действия содержанию этой идеи является судебное решение, в котором судья должен частный случай «подвести под определенный закон, т. е. возвести его данный в явлении эмпирический характер до признанного факта и всеобщей квалификации» [1, с. 260]. То, что действительным субъектом этого «суждения» является все общество как целое, подтверждается возможностью члена общества независимо от его юридической квалификации разбираться в сути дела, осуществляя познание связи единичного случая со всеобщей идеей, «познание, которое доступно каждому образованному человеку» [1, с. 260]. Однако эта возможность остается еще совершенно абстрактной возможностью, лишь потенциальным суждением, пока она не будет переведена в действительное суждение уже в самом юридически оформленном судопроизводстве с участием профессиональных юристов.

Отметим, что здесь же Гегель обосновывает и необходимость для суда выносить суждение, исходя из объективной истины, характеризующей суть дела с эмпирической и всеобщей точки зрения. Таким образом, здесь мы можем найти аргументы против распространенного сегодня (особенно в странах англо-саксонского права) точки зрения, что достаточно лишь некоторой «юридической истины», т. е. формального совпадения условий правомерного судопроизводства.

Показать, что познание такой эмпирической истины события есть дело собственно юридического определения суда, что в нем содержится особое качество для этого и тем самым исключительное право в себе и необходимость, — показать это составляет главную исходную точку в вопросе о том, в какой степени следует признать делом формальных судебных инстанций суждение о факте и о правовом вопросе [1, с. 261].

Суд рассматривается Гегелем как институт гражданского общества, что расходит с общей позицией правовой теории Нового времени, относившей суд к системе государственной власти. Вся проблематика суда, судопроизводства, правосудия анализируется им в разделе, посвященном гражданскому обществу. Казалось бы, здесь имеет место явное противоречие с политико-правовыми установками Нового времени, которые, начиная с Дж. Локка и Ш.-Л. Монтескье, относили суд к системе государственной власти. Монтескье, как известно, в своей концепции разделения властей предложил отделить судебную власть от власти законодательной и исполнительной. Гегель в целом соглашается с этой идеей своих предшественников [8, с. 25]. Так что речь идет, скорее, не об отрицании государственного статуса судебной власти в целом, а о сущности трактовки немецким классиком самого отношения понятий гражданского общества и государства. Эти понятия он отнюдь не противопоставляет друг другу, а рассматривает как ступени развития одного понятия. При этом само гражданское общество он трактует как «внешнее государство» [2, с. 342].

Согласно гегелевской диалектической методологии, истинное основание всякого процесса раскрывается в его результате. То, с чего начинается процесс,

его начало, еще является чем-то неистинным, совершенно противоречит своему понятию. Это противоречие как раз и является источником развития содержания. Поэтому абстрактная атомарная личность, выступающая субъектом договорных отношений, содержит в себе противоречие, состоящее в том, что она является лишь абстракцией всей полноты духовного содержания, которое раскрывается в понятии государства, несущего в себе высшую нравственную идею. Гегель, кстати, именно поэтому одобрительно высказывался в своей «Истории философии» об аристотелевской теории происхождения государства: в «Политике» государство исторически является результатом сложения и развития селений (аналог гражданского общества), но логически, по сути своей, первично, поскольку более глубоко раскрывает ту нравственную идею, которую несет в себе и общество, и личность.

Абстрактная атомарная личность достигает ступени конкретности и целостности в семье, где ее единство с другой личностью положено систематически, а не устанавливается спорадически случайным образом в акте взаимного признания, закрепленного в договоре. Но семья, которую Гегель, понимает как одно единое лицо, в реальности существует в качестве многих лиц, соединенных в единое целое тем, что Гегель называл нравственной субстанцией. Именно эта нравственная субстанция, лежащая в основании института семьи, позволяет также и ей давать аксиологическую оценку. Близкий подход мы видим и в творчестве раннего Гегеля [9, с. 181–187; 13, с. 164–176].

Нравственность Гегель трактует как единую субстанцию, но эта единая субстанция с необходимостью сама рассыпается на множественность субстанций. Отношение семей в обществе Гегель соотносит в системой атомистики в природе. Здесь очевидна аналогия с его трактовкой историко-философского процесса в «Истории философии», где он также говорит о необходимости, с которой единая субстанция Спинозы рассыпается в системе Лейбница на бесконечное множество субстанций-атомов (монад). Духовная нравственная субстанция трактуется в «Философии права» как систематическая всеобщая связь этих социальных «атомов», представляющих собой самостоятельные семьи, но также и любые другие складывающиеся на основе разделения труда и имущества устойчивые общности людей [2, с. 342–343]. Именно эту систематическую связь Гегель и связывает с понятием гражданского общества. Связь социальных атомов нуждается в устойчивости и рефлексированности со стороны членов гражданского общества, последняя достигается в праве, а первая в институтах государства.

Таким образом, государство оказывается внутренним содержанием гражданского общества, его «душой» по образному выражению Гегеля. В свою очередь гражданское общество оказывается внешним «телом» государства. Однако эти качества не присущи им изначально. Они являются результатом исторического процесса, реализующего идею свободы как всеобщей духовной первоосновы государства и общества [12, с. 190].

Относя суд к сфере гражданского общества, Гегель не противопоставляет его государству и государственной власти, а наоборот, рассматривает как связующее звено между двумя формами явления единой нравственной субстанции общества. Суд как устойчивый институт обнаруживает внутреннее содержание

гражданского общества, этого в трактовке Гегеля «внешнего государства», а потому сам может трактоваться как первое проявление государственного начала в гражданском обществе. Точно по такому же основанию Гегель считает возможным отнести к сфере гражданского общества также и полицию.

В аспекте этой двойственной, гражданско-государственной природы государства для Гегеля прежде всего оказывается важным публичный характер суда:

Правосудие следует считать как обязанностью, так и правом государственной власти, которое отнюдь не связано с желанием индивидов передавать или не передавать эти полномочия особой власти... Член гражданского общества имеет право искать суда и обязанность предстать перед судом и получить только через суд оспариваемое им право [1, с. 258].

И далее читаем:

К составу прав субъективного сознания относятся как публичное оглашение законов, так и возможность знать осуществление закона в особом случае, а именно ход внешних действий, правовых оснований и т. д. Поскольку этот процесс в себе общезначим, то, хотя отдельный случай по своему особенному значению касается только интереса тяжущихся сторон, всеобщее его содержание относится к заключающемуся в нем праву, и решение суда затрагивает интересы всех: судопроизводство должно быть публичным [1, с. 260].

Публичный характер судопроизводства состоит также в том, что своим суждением о всеобщем ценностном смысле эмпирического случая оно апеллирует к всеобщности права, имеющей значение для всего общества:

Право требовать публичности судопроизводства основано на том, что цель суда есть право, которое в качестве всеобщего должно совершаться в присутствии всеобщего; основано оно также и на том, что граждане приходят к убеждению, что осуществляется действительно право [1, с. 260].

Эту всеобщность права и участие общества в правосудии выражает институт присяжных:

Право самосознания, момент субъективной свободы, может рассматриваться как субстанциальная точка зрения в вопросе о необходимости публичного судопроизводства и так называемых судов присяжных [1, с. 263].

Присяжные выносят суждение о фактическом составе преступления. Профессиональный судья определяет применение закона к данному конкретному случаю [1, с. 34–348].

Таким образом, достигается гармония в соотношении профессионального знания законов и необходимой доступности правопонимания для каждого члена общества. Последняя является, как уже отмечалось, для немецкого мыслителя принципиально важным положением, свидетельствующим, что действительным субъектом правового «суждения» выступает гражданское общество:

Сословие юристов, обладающее особым знанием законов, считает часто это знание своей монополией и полагает, что тому, кто не из их среды, не следует

вмешиваться в их дела. С подобным же недоверием физики отнеслись к учению Гете о цветах, поскольку он не был специалистом в данной области, а к тому же еще поэтом... Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его [1, с. 253].

С другой стороны, суд апеллирует к разуму, требуя доказательств в разбираемом деле: «Перед судом право получает определение, согласно которому оно должно быть доказуемо» [1, с. 259].

Таким образом, в самом институте суда и в его деятельности Гегель видит осуществление единства всеобщего и единичного, права и поступка, государства и гражданского общества. Участие в суде общества как субъекта суждения высшей нравственной идее о причастности или непричастности рассматриваемого действия человека определяется двумя моментами: содержательной разумностью решения, поскольку разумность составляет качество общества как целого, а также доступностью этого содержания каждому образованному члену общества (а значит, потенциально и всем его членам) в той форме, в какую облакает это содержание закон. Сама возможность выносить суждение о соответствии высшей нравственной идее обусловлена причастностью к этой идее института суда. Именно поэтому суд обладает для индивида безусловной ценностью, признание которой (например, через соблюдение внешней почтительности и уважения к судье и к процессу судопроизводства) общество и закон вправе требовать от индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. — М.: Мысль, 1990.
2. Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук*. — М.: Мысль, 1977. — Т. 3.
3. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф. М. Достоевского // *Мир политики и социологии*. — 2018. — № 12. — С. 157–171.
4. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. — М.: Юрлитинформ, 2019.
5. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Становление логоса права в античной философии // *Мир политики и социологии*. — 2018. — № 3–4. — С. 164–176.
6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Проблема монизма-плюрализма в философии // *Мир политики и социологии*. — 2015. — № 10. — С. 196–209.
7. Крушельницкий М. А., Масленников Д. В. Понятие основной нормы как предпосылка неокантианской модернизации Гансом Кельзеном юридического позитивизма // *Юридическая мысль*. — 2016. — № 6. — С. 49–53.
8. Нерсесянц В. С. «Философия права»: история и современность // Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. — М.: Мысль, 1990. — С. 2–42.
9. Сальников В. П., Исмагилов И. Р., Масленников Д. В. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г. В. Ф. Гегеля // *Мир политики и социологии*. — 2016. — № 12. — С. 181–188.
10. Сальников В. П., Масленников Д. В. Институты права и идея абсолютного Добра // *Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей*

к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.). Отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа: БашГУ, 2018 — С. 32–40.

11. Сальников В. П., Масленников Д. В. Философия права Ф. М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф. Х. Галиев: в 2 ч. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. — Ч. 1. — С. 72–79.

12. Сальников В. П., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И. Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: История и современность. — 2018. — № 4. — С. 185–192.

13. Сальников В. П., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г., Исмагилов И. Р. Философско-правовое содержание ранних работ Г. В. Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 1. — С. 164–177.